

ДО ТЕБЯ ПЯТЬ ОСТАНОВОК

Диана Эверли

До тебя пять остановок

<https://litres.ru/74683693>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лиза Ветрова пришла в студию с речью о том, как найти своё место. Голос из стены велел ей отойти от вентиляции. Так знакомиться с парнями она ещё не пробовала.

Теперь Лизе и Артёму предстоит записать пять историй о непарадной стороне университета. Прачечная, оранжерея, тесная репетиционная — здесь всё звучит совсем иначе, чем на красивых афишах. Даже молчаливый инженер, который подписывает провода «не ешь», оказывается неожиданно смешным. И слишком часто забывает уйти, когда запись уже закончилась.

До его дома всего пять остановок. Но у Лизы впереди шанс уехать на учёбу в другой город, а Артём привык считать свободный вечер роскошью. Им придётся найти время друг для друга, не вычеркнув из расписания собственную жизнь.

Содержание

Глава 1	Голос в стене	4
Глава 2	Пять остановок	15
Глава 3	Чужая футболка	25
Глава 4	Теплица в сентябре	36
Глава 5	Режим прослушивания	46
Глава 6	Без афиши	56
Глава 7	Самый короткий путь	65
Глава 8	Лабораторная по опозданиям	74
Глава 9	Не для записи	84
	Конец ознакомительного фрагмента.	90

Диана Эверли

До тебя пять остановок

Глава 1 Голос в стене

— Чтобы найти своё место, иногда нужно перестать слушать чужие голоса, — сказала Лиза.

— Для начала отойдите от вентиляции, — посоветовала стена.

Она резко обернулась. За спиной были акустические панели, часы без секундной стрелки и стул с продавленным сиденьем. Мужчина в стене слегка покашлял.

— Над вами решётка. Воздух идёт прямо в микрофон.

Лиза посмотрела вверх. У решётки безмятежно покачивалась красная ленточка, привязанная, по всей видимости, человеком, которого эта проблема настигала регулярно.

— Это очень символично, — сказала она. — Начинаешь новую жизнь, а тебе сверху дует.

— Можно начать с соседнего стула.

Слева от двери загорелась зелёная кнопка. На ней было написано «Связь». Лиза заметила её слишком поздно. Утром третьего сентября она торжественно пообещала себе больше не выглядеть в университетской студии человеком, который пришёл спросить дорогу в бассейн.

Она перенесла блокнот на другой стул, взяла наушники и подавила желание проверить, не подключены ли они к душевому смесителю. Здесь всё было чужим и немного важнее её: тяжёлый микрофон, большая круглая сетка перед ним, дверь толщиной с семейный альбом. Даже бумажный стакан у стены носил внушительное название «технический».

— Теперь можно? — спросила она.

— Теперь да. Только запись запускайте сами. Красная кнопка на маленьком пульте.

— Спасибо, голос.

— Артём.

— Спасибо, Артём. Я Лиза.

— Знаю. В расписании написано.

Первую фразу она произнесла по памяти. Вторую подсмотрела. На третьей запуталась в собственном предложении, где университет сравнивался одновременно с городом, кораблём и открытой дверью. Корабль почему-то входил в дверь. Лиза остановила запись.

Девяносто секунд. Нужен был всего лишь отборочный ролик для студенческой редакции. Небольшое законченное высказывание, сказала Наталья Андреевна Белова на установочной встрече. Не презентация себя, не обещание совершить революцию, а повод захотеть слушать ещё. За вечер Лиза исписала восемь страниц. К утру выбрала текст, который звучал так, словно его наняли открывать торговый центр.

Она попробовала ещё раз. На этот раз голос получился ниже обычного и до нелепости значительным. В зеркальном стекле она увидела собственное каре, оттопыренный ворот футболки и веснушки. Не совпадало.

— У вас там всё в порядке? — спросил Артём.

— Университет только что стал кораблём. Дальше неизвестно.

— Тогда лучше сначала послушать.

Дверь аппаратной оказалась рядом с выходом из студии. Лиза обогнула перегородку и чуть не врезалась в молодого человека с двумя чашками. Одну он держал за ручку, вторую — через полотенце. Высокий, тёмно-русый, в серой футболке, которая совсем не сообщала о его роли загадочного голоса. В реальности у него был уставший взгляд и маленький кусочек изоленты на локте.

— Здесь чай, — сказал он, приподняв чашку. — А здесь чай с отколотой ручкой. Угадывать не надо, себе оставлю сложный вариант.

— Ты занимаешься технической частью?

— Сейчас занимаюсь двумя чашками. Вообще электроника, третий курс. Помогаю с аппаратной по факультативу.

Она взяла чай. Он оказался почти холодным, но Артём подал его так буднично, что отказаться значило бы превратить чай в событие.

На мониторе лежала дорожка её записи. Красные и синие неровности выглядели убедительнее произнесённого. Артём

подвинул ей второй стул. На проводе от наушников висела бирка «не ешь».

— Предупреждение для кого? — спросила Лиза.

— Для Дениса. Он однажды перепутал пакет с переходниками и пакет с сушками.

— Надеюсь, вовремя.

— Сушки пострадали сильнее. Послушаем?

Первые семь секунд заполнял гул. Потом Лиза объявляла, что следует перестать слушать чужие голоса, и тускло шуршала рукавом. В середине корабль всё-таки выбрался из двери, но к этому моменту ей хотелось забрать слова обратно и заменить их приличным кашлем.

Артём остановил воспроизведение.

— Дикция хорошая, — сказал он.

— О, началось. Сейчас мне скажут, что я хороший человек.

— Я тебя восемь минут знаю.

Лиза засмеялась и тут же перестала: он смотрел на неё без утешительного выражения, с которым взрослые слушали её попытки петь в детстве. Ей вдруг стало интересно, что он действительно услышал.

— В чём дело? Кроме вентиляции и морского транспорта.

— Ты говоришь, что университет — это люди. Но людей там нет. Только ты рассказываешь, какими они должны быть.

Она опустила глаза на блокнот. Вчера текст нравился ей именно своей универсальностью. Любой мог узнать себя. Те-

перь выяснялось, что узнать особенно некого.

— Отбор ведь личный. Я должна показать, что могу.

— Наверное. Я не редактор.

— Но уже вынес приговор.

— Ты спросила.

Лиза сделала слишком большой глоток холодного чая. В коридоре кто-то смеялся, ключ дважды промахнулся мимо замка, и в аппаратную вошла Белова с папкой под мышкой. На её чёрном свитере прилипла жёлтая нитка.

— Ну что, кого спасаем? — спросила она.

— Корабль, — ответила Лиза. — Но, кажется, поздно.

Белова послушала запись целиком, не глядя на неё. Лиза следила за ниткой и пыталась угадать реакцию по тому, как преподавательница ставила чашку на стол. Ничего не получалось.

— У вас прекрасный текст для вступления перед награждением, — наконец сказала Белова. — Кого награждаем?

— Всех, кто не ушёл после первой фразы.

— Тогда награда заслуженная. А где вы сами, Ветрова?

— Вот. — Лиза показала на стул.

— Я вижу, где вы сидите. Где то, что вы хотите сказать?

Ей не нравились такие вопросы. Сначала кажется, что ответ огромен и вот-вот найдётся, а потом в голове остаётся только собственная фамилия. Ветрова. Двадцать лет. Второй курс. Утром запуталась в шнурке, в столовой забыла сдачу, в студии имела неосторожность сравнить себя с человеком,

умеющим работать со звуком.

— Я хочу... — Она перелистнула страницу, хотя там не могло быть ответа. — Чтобы первокурсник перестал думать, что уже опоздал стать интересным. Здесь все будто заранее знают, куда идти. У всех кружок, компания, проект. А он ищет кабинет и делает вид, что просто гуляет.

Белова подняла голову.

— А вы?

— Я второй год гуляю уверенно.

Артём тихо фыркнул. Лиза не посмотрела на него: ей стало слишком хорошо от этого короткого звука.

— Уже лучше, — сказала Белова. — Но рассказывать всё равно будете не только вы. Двадцать девятого ноября будет День открытых мастерских. Нам предложили показать кампус иначе. Без экскурсовода, который кричит: «Взгляните направо, здесь у нас будущее». Аудиопрогулка. Пять небольших историй о том, что происходит после последней пары.

— Репетиции? — спросила Лиза.

— Репетиции тоже. Но если найдёте смысл в университетской прачечной, мне будет интереснее. Там люди не стараются выглядеть талантливыми.

— Вы давно были в прачечной? — спросил Артём. — Некоторые очень стараются.

Белова коротко улыбнулась и села на край свободного стола.

— Я хочу сначала пробу. Без героизма. До восемнадца-

того октября подготовьте несколько законченных фрагментов и понятную схему всего маршрута. Покажем маленькой группе. Если убедим людей, получим немного денег на оборудование. Ветрова отвечает за истории и монтаж, Ланской — за запись, звук и то, чтобы наушники не уехали вместе с первым слушателем. Для Лизы это практика. Артём, вам это зачтётся в работе факультатива, но лабораторные оно не заменит.

Он кивнул и вдруг спросил совсем деловито:

— Сколько часов студии в неделю?

Белова назвала два окна. Артём достал телефон и открыл расписание. Лиза смотрела, как быстро его большой палец двигался по экрану. У основания ногтя был короткий неровный шрам.

— Во вторник могу после четырёх. В четверг только до шести, — сказал он. — Иногда нужны будут переносы. У меня работа.

— Значит, сразу пишете друг другу, — ответила Белова. — Не присылаете мне накануне презентации объяснение, что каждый думал, будто второй всё сделал.

— А если мы не сработаемся? — спросила Лиза.

Преподавательница посмотрела на чашки, открытую дорожку, её блокнот.

— Пока вы сработались достаточно, чтобы услышать плохую запись. Это уже больше, чем бывает у половины авторов. Но выбирать вам. Можете за неделю придумать дру-

гой состав.

У Лизы не было другого состава. Зато был университет, который она знала с изнанки: диван на четвёртом этаже с безопасным левым краем, чай за двадцать минут до закрытия буфета, соседка, способная решить сложную задачу и не найти собственную кружку. Обо всём этом почему-то хотелось говорить гораздо больше, чем об открытых дверях.

— Я попробую, — сказала она.

— Я тоже, — ответил Артём.

Он произнёс это без воодушевления, как констатировал бы, что трамвай пришёл. Лизе захотелось проверить, способен ли он воодушевляться вообще.

Они вышли вместе. У лифта у неё разошлась молния дождевика. Она потянула бегунок вверх, вниз, ещё раз вверх и получила вместо одежды красный флаг.

— Подожди, я сейчас стану человеком.

— Не торопись. Второй курс только начался.

Она подняла глаза. Он смотрел вполне серьёзно. Лиза вспомнила собственное раздражение в аппаратной и едва не рассмеялась снова.

— У тебя все ответы заранее записаны?

— Нет. Некоторые неудачные приходится сохранять.

Он остановился у лестницы. Лиза уже приготовилась услышать «ну, споемся», но Артём вытащил из кармана телефон.

— Давай сразу обменяемся контактами. Иначе Белова

окажется права раньше времени.

Она записала его как «Артём. Не ешь», показала экран. Он молча повернул к ней свой: «Лиза. Корабль».

— Даже не попробуешь оправдаться?

— Это техническая пометка. Чтобы не перепутать с людьми на суше.

Дома, в комнате четыреста семнадцать, Соня сидела на полу перед открытым чемоданом, хотя вернулась из поездки три дня назад. На кровати лежали носки, зарядки и распечатка турнирной таблицы.

— Ты что, уезжаешь? — спросила Лиза.

— Нет. Разбираю чемодан по методу медленного вымирания. Одну вещь в день. Сегодня удлинитель.

Лиза сняла дождевик и повесила на спинку стула. Молния сошлась ровно до середины живота, словно её передумали впускать в собственную одежду.

— У тебя есть иголка? — спросила она.

— У тебя есть иголка.

— Тогда где она?

— Там, где ты её прячешь от меня, потому что я однажды шила степлером.

Они нашли жестяную коробку под пачкой листов. Соня убрала с кровати один носок, освобождая место ровно для половины Лизы.

— Как ролик?

— Университет был кораблём. Теперь будет прачечной.

Соня без удивления кивнула. За год совместной жизни она научилась дожидаться связной версии событий. Лиза рассказала про голос из стены, холодный чай, пять историй, восемнадцатое октября. Пока говорила, всё вдруг приобрело настоящий размер. Не прекрасная работа, которую уже можно было положить в портфолио, а множество неизвестных людей, к которым придётся подойти.

— Ты же хотела аудиолaborаторию, — сказала Соня.

— Я хотела работу, которую не стыдно туда отправить. Это немного разные желания.

— Значит, теперь есть место, где её сделать.

Лиза посмотрела на открытую страницу лаборатории. Петербург. Февраль — май. Финансирование для участников, согласованный учебный план, портфолио. На фотографии люди в большой светлой комнате слушали что-то в наушниках. Раньше она разглядывала комнату. Сегодня впервые задумалась, что именно они слушают.

Она продела нитку в иглу и подхватила разошедшийся нижний шов у молнии. Соня вернулась к таблице: её команда готовилась к соревнованию по анализу данных, и на листе красным были обведены три фамилии, рядом с одной стоял грустный картофель. Соседка нарисовала его вместо четвёртого участника, который пока не отвечал.

— Твой инженер симпатичный? — спросила Соня, не поднимая головы.

Лиза укололась.

— Он не мой.

— Я спросила о внешности. Право собственности обсуждим на другом семинаре.

— Обычный.

Соня посмотрела на палец, который Лиза сунула в рот, и ничего не сказала. Это было хуже комментария.

Телефон завибрировал на столе. Артём прислал фотографию красной ленточки у вентиляции. Подпись гласила: «Наш первый герой. Не согласен на интервью».

Лиза долго искала ответ, который был бы смешным, но не выдавал, что она долго его искала. Наконец написала: «Я договарюсь. У меня есть нитки».

Через минуту появилось: «В четверг после пары? Возьмём рекордер. Пока просто послушаем город».

Она написала «да» и положила телефон экраном вниз. Потом перевернула обратно и добавила: «Корабль пришвартован к 15:40».

Соня сняла с кровати второй носок. Лиза устроилась рядом с дождевиком на коленях. Теперь снизу торчала слишком длинная красная нитка; её нужно было аккуратно закрепить, прежде чем отрезать.

Глава 2 Пять остановок

К четвергу у Артёма были готовы список оборудования, заряженные аккумуляторы и четыре причины не браться за прогулку. Список занимал полстраницы, причины — оставшееся место на обороте. Он сунул лист в рюкзак так, чтобы видеть только оборудование.

На лабораторной Денис перегнулся через стол и спросил:

— Ты со мной после пары?

— Не сегодня. У меня запись.

— Завещание? Не оставляй мне свой калькулятор. Он смотрит осуждающе.

Денис чертил схему и одновременно ел булочку, держа её за чистый угол салфетки. С утра он работал в университетской пекарне. Его рабочая куртка пахла тестом, а тетрадь обрела то, что сам Денис называл «масштабными следами производства».

Артём объяснил про проект. Друг уточнил, кто пишет и кто платит, услышал имя Лизы и вдруг поднял голову.

— Это которая в прошлом году...

— Не знаю, — сказал Артём.

— Я ещё не договорил.

— А я уже не знаю.

Денис отложил булочку.

— Елизавета Ветрова? Вела викторину в общежитии, ко-

торуую мы проиграли из-за тебя. Ты утверждал, что слово «кочедыжник» придумано организаторами.

— Оно выглядит придуманным.

— Все слова кто-то придумал, Ланской. Но папоротник от этого не исчезнет.

Артём вспомнил девушку с короткими волосами, которая вручала победителям пакет яблок, потому что настоящие призы забыли в запертом кабинете. Она тогда сказала: «Это переходящий кубок. Он может перейти в пюре». Возможно, это действительно была Лиза. Почему-то ему стало досадно, что он не запомнил её раньше.

Он выскочил из корпуса ровно в пятнадцать сорок и обнаружил её у ступеней. Красный дождевик светился на фоне серого камня. Дождя не было, но тучи явно готовили ответ.

— А у нас уже есть план? — спросила Лиза вместо приветствия.

— У нас есть прибор, которому не нужен план, чтобы записать, как мы его обсуждаем.

— Хорошо. Мой план — сначала выглядеть занятыми, потом понять, чем.

Она протянула руку к рекордеру. Артём показал две кнопки и предложил держать корпус за нижнюю часть. Лиза попробовала, повертела прибор и осторожно провела пальцем по боковой панели.

— Он легче, чем кажется.

— Только не проверяй на высоте.

— Ты со всеми так разговариваешь?

— Обычно сначала спрашивают, что это за штука. Ты сразу сказала, что похожа на электрическую зубную щётку для великана. Мне приходится перестраиваться.

Они спустились к ограде кампуса. Артём предложил двадцать секунд помолчать. Лиза кивнула, раскрыла рот, закрыла и продержалась десять.

— А что мы слушаем?

Он остановил запись.

— Пока — как ты спрашиваешь, что мы слушаем.

На второй попытке получилось. Где-то за спиной стукнула дверь, по асфальту шуршали колёса чемодана, у общежития парень упражнялся на скрипучем самокате. Два воробья ссорились в водостоке. Артём привык слышать всё сразу и выбирать нужное; девушка рядом, судя по её лицу, пыталась успеть за каждым звуком по отдельности.

— Как в столовой, — прошептала она после сигнала. — Смотришь на чужие подносы и забываешь, что сама хотела.

Он дал ей наушники. Пока она слушала, проходящая спросила у него, снимают ли здесь телевизор. Артём объяснил про учебную запись. Проходящая поправила воротник, хотя никаких камер не было.

— Скажи что-нибудь, — попросила Лиза, не снимая наушников.

— Что-нибудь.

Она поморщилась.

— Так и знала.

— Ветер повернул. Через минуту начнётся дождь.

— У тебя ещё и факультатив метеоролога?

— У меня мама развесила коврик перед мастерской. Так обычно бывает.

У остановки первые капли забарабанили по козырьку. Лиза заслонила рекордер полрой дождевика, и Артём сразу убрал его в чехол. Она стояла достаточно близко, чтобы он заметил нитку на нижнем крае молнии — яркую, аккуратно обрезанную. В студии замок расходился. Он почему-то обрадовался, что заметил разницу, хотя это не имело никакого отношения к их делу.

— Поедешь? — спросил он, когда из-за поворота вышла шестёрка.

— Куда?

— До «Мастерских». Там хороший двор. Разные звуки. Но мне в пять на работу, надолго не получится.

Она прикинула время, глядя на экран телефона.

— Мне к семи читать статью. Если сейчас стану добросовестной, Соня меня не узнает. Поехали.

В трамвае было почти пусто. Они сели напротив друг друга у окна. Лиза положила блокнот на колени, написала «ГО-РОД», зачеркнула, ниже вывела «ЧТО СЛЫШНО». Артём отвернулся, чтобы не читать дальше.

— «Университет», «Площадь», «Сад», «Депо», «Мастерские», — проговорила она, разглядывая схему. — Пять.

— Четыре перегона, — ответил он.

— Я считаю остановки. У меня законная гуманитарная арифметика.

— По ней до соседнего дома можно ехать через две остановки, не двигаясь с места.

— Зато дорогу легче объяснять. До тебя пять остановок. Звучит лучше, чем «четыре перегона, затем пересмотрите свою жизнь».

Артём посмотрел на неё. Она говорила о маршруте, разумеется. И уже рисовала в блокноте кривую линию с пятью кружками. Но слова остались рядом с ним, пока трамвай выбирался на площадь, и с ними как будто стало теснее сидеть.

У «Сада» в вагон вошла женщина с огромным фикусом. Лиза немедленно прижала колени, освобождая место горшку. Артём помог поставить растение на пол. Верхний лист скользнул по его щеке.

— Извините, — сказала хозяйка. — Он не любит переезды.

— Я тоже, — ответила Лиза. — Мы найдём общий язык.

Остаток дороги она держала лист, который тянулся к дверям. У «Депо» Артём уступил своё место пожилому мужчине и встал рядом. Сверху было видно, как Лиза кусает конец колпачка ручки, потом спохватывается и убирает его. Она поймала его взгляд.

— Что?

— На ручке нет бирки.

— Может, мне можно.

— Зависит от состава.

Она засмеялась, и женщина с фикусом улыбнулась вслед, не зная причины.

От «Мастерских» к дому Артёма вела короткая улица, где автомобили вынуждены были объезжать по очереди припаркованную фургонную машину, яму и липу. Он показал Лизе двор со старой железной лестницей снаружи дома. На перилах дрожал от ветра отрезок цепи, и получался редкий тонкий звон. Пока дождь стихал, они записали его из-под арки.

— Будто кто-то перемешивает ложкой очень большой стакан, — сказала Лиза.

— Только стучит не в такт.

— Потому что остывает, а его всё не пьют.

Она снова надела наушники. Ветер шевельнул её волосы, и Артём успел подумать, что в студии освещение было совершенно дурацкое. На улице она выглядела иначе: меньше торопилась производить впечатление и сильнее хмурилась, когда прислушивалась.

— Этот двор не войдёт в прогулку, — напомнил он.

— Почему?

— Прогулка по кампусу.

— Знаю. Просто хотела запомнить. Для себя.

Он кивнул. На экране высветилось сообщение от матери: «Ты купил батарейки для весов? И хлеб». Артём ответил, что будет через пятнадцать минут, и проверил время. До пя-

ти оставалось двадцать две.

Лиза сняла наушники.

— У тебя лицо человека, который вспомнил про совещание с инопланетянами.

— Забыл зайти в хозяйственный.

— Пойдём. Хочу посмотреть, как ты выбираешь батарейки. Наверняка сначала слушаешь.

В магазине у Артёма действительно ушло слишком много времени: нужных батареек не оказалось, продавец полез в кладовку. Лиза осталась у витрины и читала названия на коробках с лампочками так, словно ей предлагали новую коллекцию духов. Он купил подходящий вариант, они пересекли двор и подошли к мастерской с низкой вывеской «Ремонт рядом».

Из приоткрытой двери пахло нагретым пластиком и чистящим средством. На стекле была наклеена объявленная матерью война: «Пожалуйста, не стучите прибором по прилавку. Мы верим, что он не работает».

— Суровый бизнес, — сказала Лиза.

— Сегодня второе предупреждение за неделю.

Она не вошла. Изнутри донёсся мамин голос: клиент принёс крышку от какого-то прибора и пытался выяснить, нельзя ли починить остальное по фотографии. Артём задержался на ступеньке.

— Я тогда пойду, — сказала Лиза. — Тебя ждут.

Он хотел сказать что-нибудь ещё про запись, про следу-

ющий четверг, про то, что ей лучше ехать обратно сразу на шестёрке, но всё это выглядело ненужным. Он помедлил, всё ещё стоя на ступеньке.

— Напиши, что услышала дома, — сказал он наконец.

— Соседку. Она будет спрашивать, где удлинитель.

— Это можно оставить.

Лиза подняла руку и пошла к углу, стараясь переступить через широкую лужу. Не получилось: кроссовок задел воду. Он увидел, как она обернулась проверить, смотрит ли он, и торопливо вошёл в мастерскую, будто мог сделать её неудачу незамеченной задним числом.

Мама стояла за прилавком. Волосы были собраны карандашом, на рукаве расплывалось мокрое пятно. Ника на табулете делала вид, что выполняет домашнее задание; под учебником светился телефон.

— Привет, — сказала мать. — Хлеб?

Артём остановился.

— Батарейки купил.

— Понимаю. Но к супу они жёсткие.

Ника захихикала. Он положил покупки, снял рюкзак и только теперь увидел, что маленького переходника в наружном кармане нет. Перерыл боковой отсек, чехол, куртку. Переходник выпал где-то между записью и магазином — вещь дешёвая, но ждать новый придётся несколько дней.

— Что потерял? — спросила мать.

— Неважно.

— Если ищешь четвёртую минуту, уже важно.

Он хотел вернуться во двор, но дверь звякнула. Сначала появилась красная пола дождевика, потом сама Лиза.

— Ваш беглец пойман, — объявила она, поднимая переходник. — Лежал в моей ладони с момента записи. Выяснилось на остановке, когда я полезла за проездом. У него нет бирки. Так оставлять нельзя.

Ника повернулась на табурете. Мать вытерла руки полотенцем.

— Здравствуйте. Он у нас обычно всё подписывает, — сказала она. — Наверное, ещё не успел придумать оскорбление.

— Лиза, — представилась девушка. — Мы вместе делаем университетскую прогулку.

— Марина. Хорошо, что догуляли обратно.

Лиза передала переходник Артёму. Он был тёплым после её ладони.

— Спасибо. Думал, выронил.

— Должен за ним лучше следить. Он наивный, сразу ко всем в руки.

Она сказала это с совершенно серьёзным лицом, и Ника громко засмеялась. Артём видел, как мать перевела взгляд с него на Лизу, потом на рекордер, и заранее знал, какие вопросы последуют вечером.

Но Лиза больше не задержалась: на обратном пути действительно нужно было читать статью. Ника высунулась ей

вслед на улицу и крикнула, что на остановке снимают с расписания старый лист, поэтому автобусное время там теперь неправильное.

— Я на трамвае! — ответила Лиза.

— Тогда это просто полезная информация!

Артём прислонился к прилавку и посмотрел на переходник. Мать отобрала у него пакет с батарейками.

— Кто за хлебом? — спросила она.

— Я, — сказала Ника. — Только мне нужно ещё двадцать рублей.

— В прошлый раз было пятнадцать.

— Сложный маршрут. Эмоциональные затраты.

Когда сестра ушла, Артём отнёс рекордер в подсобку, поставил аккумуляторы заряжаться и вернулся к работе. Нужно было разобрать поступившие заявки, позвонить человеку, забывшему чайник ещё до каникул, помочь матери с большой коробкой. К шести телефон завибрировал.

Лиза прислала звуковое сообщение: щелчок замка, скрип, раздражённое «Это чья кастрюля?», затем её сдвоенный смех. Подпись: «Университет. Внутренние воды».

Он прослушал второй раз. В конце записи, совсем близко к микрофону, она выдохнула, пытаясь не рассмеяться. Артём положил телефон на прилавок и поймал себя на том, что улыбается уже без всякой слышимой причины.

Глава 3 Чужая футболка

На футболке было написано «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ВСЕГДА ПРАВ». Футболка вращалась за круглым стеклом вниз надписью, затем вверх, затем на несколько секунд исчезала в белой пене. Лиза в третий раз убеждала себя, что не обязана знать, кому она принадлежит.

Общежитская прачечная в понедельник пахла влажными рукавами. Четыре машины стояли вдоль стены, пятая была обклеена листами с тремя разными запретами. Над столом для складывания белья кто-то повесил бумажный цветок из инструкции по эксплуатации. Лиза приехала на запись пораньше и успела придумать открывающую реплику: «В этой комнате все начинают с чистого листа». Записала, посмотрела и зачеркнула. Чистые листы стирать вообще-то не следовало.

Парень у второй машины наблюдал за вращающейся футболкой с таким выражением, с каким обычно встречают экзамениатора на собственном дне рождения. У него были мокрые манжеты и огромный чёрный мешок в ногах.

— Не твоя? — не выдержала Лиза.

Он обернулся.

— А что?

— Лицо такое. Как будто вы не сошлись характерами.

Парень посмотрел на стекло и коротко усмехнулся.

— Моя. Чужое там остальное.

— Звучит как начало истории.

— Звучит как конец моей смены в театральной студии.

Лиза тут же достала блокнот. Парень заметил движение и насторожился.

— Это опрос?

— Почти. Я делаю университетскую аудиопрогулку. Про места, которые обычно не показывают гостям. Можно немного поговорить? Без фамилии, если не хочешь.

— Про то, как я стираю?

— Про то, как ты здесь... — Она замялась, выбирая между «живёшь» и «находишь себя», вовремя вспомнила корабль. — Про костюмы. Ты актёр?

— Сегодня я прачка.

Он снова повернулся к машине. Мешок под его ногами напоминал дремлющего большого зверя. Лиза решила, что нашла героя, и уже мысленно собрала минутный фрагмент: скрип дверцы, вода, человек раскрывает тайну студенческого театра. Придётся только уговорить его говорить чуть длиннее.

Артём пришёл с опозданием на семь минут. Сначала положил рюкзак на сухой край стола, потом извинился: в гардеробе выдали соседнюю куртку, пришлось ловить владельца, пока тот не уехал с его ключами. Лиза торопливо объяснила план. Артём посмотрел на парня, на её блокнот и спросил:

— Согласен записаться?

— Смотря что говорить, — ответил тот.

— Как тебя зовут? — спросила Лиза.

— Руслан.

— И ты занимаешься театром?

— Сценой. Декорациями в основном. Реквизитом. Учусь вообще на строительном.

— Прекрасно. Нам как раз нужен человек, у которого есть две жизни.

Руслан поднял брови.

— У меня одна. Я в ней не всё успеваю.

Лиза рассмеялась с небольшой задержкой. Артём поставил рекордер на стол и спросил, где лучше сесть. Когда выяснилось, что Руслан не против записи, он включил прибор. Красная точка стала похожа на маленькое око, перед которым Лиза немедленно выпрямила спину.

— Итак, мы в прачечной общежития, — начала она. — Месте, где встречаются разные студенческие миры. Скажите, Руслан, о чём вы думаете, пока стираются ваши сценические костюмы?

— О том, что надо было поставить на другую программу. Она подождала продолжения.

— А ещё?

— Чтобы не село.

Артём опустил голову. Лиза не могла понять, проверяет ли он уровень записи или просто прячет лицо.

— А если посмотреть шире? — предложила она. — Театр

— это способ примерить чужую жизнь. Что вы чувствуете, когда видите перед собой одежду разных персонажей?

Руслан наклонился к стеклу.

— Сейчас чувствую, что красное всё-таки линяет.

На этот раз Артём явно кашлянул не от простуды. Лиза ощутила, как под воротником нагревается шея.

Из коридора вошла девушка с тазом и остановилась между ними, перекрыв рекордер.

— Ребят, вы тут надолго? Мне спортивное постирать, а потом идти.

— Мы не занимаем машины, — сказал Артём. — Только стол. Можем подвинуться.

— Тогда нормально. А футболка ничья?

— Моя, — отозвался Руслан. — К сожалению.

Девушка посмотрела на надпись.

— К зачёту готовишься?

— Мне её в подарок принесли. За реквизит. Там с обратной стороны ещё «особенно когда вы молчите». Я её при преподавателях не ношу.

Лиза невольно рассмеялась. Руслан, до сих пор отвечавший обрубками, повернулся к девушке и сам рассказал, как на спектакле на сцену вынесли чемодан с чужими кроссовками вместо чемодана с письмами. Пока актриса изображала потрясение, он ползал под кулисой, пытаясь передать ей правильный реквизит. Лиза успела подумать о письмах, отвергнуть их как слишком удобную метафору и наконец услыша-

ла историю целиком: кроссовки принадлежали режиссёру, а актриса обыграла ошибку репликой «Ты опять уходишь?». Зал решил, что так задумано.

— Это было так красиво, — сказал Руслан, — что я потом чуть не обиделся. Я вообще-то два часа оклеивал тот чемодан.

Машина пискнула. Он вскочил, и собранная вокруг стола маленькая аудитория распалась. Девушка загрузила своё белё, Артём поднял провод с пола, Лиза оказалась с блокнотом в руках и без единого вопроса из записанных.

Руслан вытащил из барабана длинный розовый рукав.

— Был белый, — сказал он.

— Это точно для вашего спектакля? — спросила Лиза.

— Точно. Там главный герой по сценарию банковский служащий, но теперь, видимо, продавец мороженого.

Она попросила остановить запись. Артём сразу нажал кнопку. Лиза оперлась о стол, глядя на мокрый рукав. В блокноте у неё стояло: «Мечта — преобразование — характер». Рядом она маленькими буквами дописала: «Белый — розовый — катастрофа».

— Я задавала ужасные вопросы? — спросила она.

Руслан сжал ткань. Вода стекла на край тазика.

— Не ужасные. Просто я не такой, как ты спрашиваешь.

Слова прозвучали без раздражения, и от этого было ещё хуже. Лиза кивнула, закрыла блокнот и помогла придержать чёрный мешок, пока он вытаскивал остальные вещи.

— Давай сначала, — сказала она. — Если ещё есть время. Мне правда интересно, зачем ты всё это стираешь один.

Артём снова включил запись.

— Потому что сказал: «Да мне несложно».

Артём посмотрел на него с мгновенным узнаванием. Лиза поймала этот взгляд и запомнила, но спрашивать не стала.

Они сели на скамью у окна, поставив тазик между собой. Руслан рассказал, что готовился не к великой премьере, а к короткому показу для своих. Его позвали передвинуть тяжёлую ширму, потом попросили сделать вторую, потом оказалось, что он лучше других помнит, где лежат булавки. Играть он не хотел. Ему нравился момент перед началом, когда всё ещё можно поправить: поставить стул, поднять заевшую занавеску, успеть сказать актёру, что воротник завернулся.

Лиза спросила, почему он не отдаст кому-нибудь часть костюмов. Руслан пожал плечами:

— Здесь машины свободные. Я живу ближе. Ну и... Неловко принести два рукава. Вроде ты взялся, значит, бери всё.

За стеной хлопнула дверь. Девушка со спортивной формой пересела на подоконник и начала листать конспект. Машины гудели с разной скоростью, периодически перебивая Руслана. Лиза уже не пыталась просить его ответить красивее. Когда он останавливался, она дожидалась, пока он найдёт нужную вещь в мешке, и спрашивала про неё.

В конце они вместе рассматривали розовую рубашку. Ар-

тём предположил, что свет на сцене сделает цвет не таким заметным. Руслан сказал, что верить электронике не намерен, но, возможно, переоденет героя с самого начала.

— Можно оставить этот разговор в прогулке? — спросила Лиза. — Не про рубашку одну. Про то, как ты отвечал. Я вырежу вопросы, где делаю из тебя символ.

Руслан засмеялся.

— Оставь один. Чтобы было видно, что я сопротивлялся.

Они договорились дать ему послушать готовый фрагмент до показа. Пока Артём собирал оборудование, Лиза переписала номер телефона Руслана и поймала себя на желании оправдать первоначальный замысел. Она не собиралась ставить человека в неловкое положение. Хотела, чтобы было интересно. Хотела сразу хорошо. Но эти объяснения пондобились бы ей, а не ему.

— Спасибо, что не сказал просто «отстань», — сказала она вместо этого.

— Я был привязан к машине, — ответил Руслан. — Шансов мало.

В коридоре Лиза остановилась у окна и упёрлась в холодный подоконник ладонями. Артём затянул ремешок чехла и не торопил её.

— Скажешь? — спросила она.

— Что?

— Что я снова записала себя.

— Вначале. Потом Руслана.

— Тебе легко. Твоя часть не отказывается отвечать на вопросы.

Артём вытащил из кармана смятую бумажку.

— Вот время, когда у второй машины начиналось отжимание. Я решил подвинуть прибор ближе к нему. И потерял половину фразы про чемодан. Хороший звук барабана вместо смысла.

Лиза посмотрела на цифры. Она даже не заметила, что он двигал рекордер. Ей казалось, что он всё это время спокойно наблюдает, как у неё ничего не получается.

— Потерял совсем?

— Часть слышна. Проверим в наушниках. Но я зря полез.

Она забрала бумажку и вписала время к себе в блокнот.

— Тогда у нас первая совместная неудача.

— Не полностью. Рубашка чужая.

Лиза прижала блокнот к животу и наконец засмеялась без натуги. Из прачечной вышла девушка с конспектом, заперла дверь на защёлку и спросила, не хотят ли они на следующий день купить у неё два купона на обед: уезжает домой, пропадут.

Артём достал деньги быстрее Лизы.

— Один мне, один тебе? — спросил он.

— Я сама заплачу.

— Да. Я про количество.

Она отдала ему половину, стараясь не смотреть, заметил ли он, как торопливо она ответила. В последнее время де-

нег хватало ровно до конца недели, и Лиза слишком остро слышала любые слова, похожие на предложение помочь. При этом перед ней вообще-то делили два бумажных купона.

Они спустились на первый этаж. У входа первокурсники пытались закрепить на стенде расписание секций. Лиза остановилась помочь: лист загибался и не хотел держаться на одной кнопке. Пока парень ходил за второй, она стояла, прижимая угол ладонью, а Артём держал рядом её блокнот.

На листе красовалось: «Раскрой себя!» Подпись обещала незабываемый год. Лиза представила Руслана с его рубашкой и странное облегчение, с которым он говорил, что не хочет на сцену.

— А если не раскрывается? — тихо спросила она.

Артём проследил за её взглядом.

— Возможно, написано не с той стороны.

— Ты можешь хотя бы иногда отвечать неправильно?

Он приподнял её блокнот, где между страниц торчал мятый лист со временем отжимания.

— На сегодня лимит.

Когда плакат наконец закрепили, они ещё немного постояли у входа, выбирая время для прослушивания. Лиза заметила, что не хочет подниматься к себе. Снаружи вечер становился прохладнее, в комнате Соня наверняка уже запустила таймер работы, а у Артёма из рюкзака торчала тетрадь с формулами. Никакой причины задерживать его не было.

— До завтра, — сказала она.

— До завтра.

Он развернулся к выходу и чуть не задел дверью парня с кнопками. Извинился, пропустил его, только потом ушёл. Лиза поднялась на четыре пролёта пешком, потому что лифт снова увёз кого-то в невидимую даль, и обнаружила Соню у окна. На столе стояла новая лампа с чрезмерно ярким светом.

— Ты зачем устроила допрос? — спросила Лиза.

— Пытаюсь, чтобы нас в соревновании не представляли как «команду с нестандартным женским взглядом». Мы решаем задачи, Лиз. Обычным взглядом. Через очки.

Лиза села на кровать. Через секунду обе начали говорить одновременно, остановились, снова начали. Соня выслушала её про героя, который не захотел соответствовать, и медленно кивнула.

— У тебя хотя бы человек смог это сказать. Нам прислали готовое описание команды. Очень вдохновляющее. Я там «сердце коллектива».

— А ты что?

— Написала, что сердце сейчас выйдет из чата, если не исправят.

Лиза рассмеялась и открыла ноутбук. Файл из прачечной уже лежал в общей папке. Она надела наушники, нашла первое «да мне несложно» и остановилась. Нужно было сохранить паузу перед словами. В паузе Руслан поворачивал мокрый рукав в руках. Этого нельзя было увидеть, но почему-то

именно там становилось слышно, как он на неё смотрел.

Она сделала первую пометку не в сценарии, а прямо на дорожке. Потом удалила приготовленное вступление про чистый лист. Курсор мигал в пустой строке, и впервые за весь день Лиза не спешила её заполнить.

Глава 4 Теплица в сентябре

В оранжерее нельзя было записать тишину. Артём обнаружил это на второй минуте: над головой гудела лампа, за стеклом скребла ветка, у дальней стены вода с нерегулярным раздражающим звуком падала из шланга в пустую лейку. Даже у мокрой земли как будто было собственное негромкое движение.

Лиза стояла между кадками и пыталась снять дождевик, не уронив блокнот. Одной рукой она уже освободилась, вторая застряла в рукаве. Влажный тёплый воздух моментально сделал её волосы пушистыми на концах.

— Подержи, — попросила она.

Артём взял блокнот. Из него выскользнул маленький лист, исписанный формулами с подписью «Мама, проверь». Он поймал его и протянул обратно, ничего не спрашивая.

— Это не мои, — сказала Лиза слишком быстро. — Я племяннику объясняла. У меня физика по наследству, но без гарантии качества.

Она вытащила руку, повесила дождевик на крючок у входа и сразу сделалась другой: в зелёной футболке вместо яркой обложки, с тонким браслетом из цветной нити на запястье. Артём достал рекордер и слишком тщательно занялся чехлом.

Заведующая оранжереей, невысокая женщина по имени

Валентина, провела их по узкому проходу и показала место, где можно поставить оборудование. Она работала здесь больше двадцати лет, но интервью предложила брать у студента Пети, который добровольно приходил по средам.

— Он о растениях знает больше меня, — сказала она.

— Не больше, — отозвался Петя из-за большого листа. — Просто постоянно рассказываю.

Он вышел к ним с лейкой, придерживая её двумя руками, как слишком большую награду. От вопросов не отказывался. Более того, пока Лиза усаживалась на перевёрнутый ящик, успел рассказать про семена, привезённые на кафедру когда-то давно, про перепутанные этикетки и про растение, которое все считали погибшим, а оно выпустило побег в щель под поддоном.

Лиза остановила его жестом.

— Секунду, я не успеваю записывать, что хочу спросить.

— Можно уже включить, — предложил Артём.

На этот раз он не стал искать идеальное положение для прибора. Проверил уровень, отступил на шаг и прислонился к краю стола. В прошлый раз из-за его усердия пропала половина хорошей реплики. Сегодня он решил дать разговору случиться.

Петя говорил быстро, но не старался звучать важно. Он учился на первом курсе, а в оранжерею пришёл в первую же неделю. Сначала опоздал к началу знакомства со своей группой, потом вместо нужного корпуса попал в этот и решил,

что всё равно уже испортил первое впечатление. Валентина попросила придержать дверь, пока несла ящик. Он придержал, потом помог занести, потом спросил, что за растение стоит у окна. Через час оказалось, что группа ушла на экскурсию по библиотеке, а он остался разбирать перепутанные таблички.

— Теперь думают, что я специально их избегал, — сказал он. — А мне просто интересно было.

— А ты объяснил? — спросила Лиза.

— Да. Теперь говорят: «Спроси у своего фикуса». Нормально говорят, без зла. Мы уже договорились вместе на настольные игры.

Петя потянулся за пустым горшком. Лиза подвинула ногу, освобождая проход, и случайно коснулась плечом Артёма. Он стоял ближе, чем думал. Ему пришлось сосредоточиться на цифрах уровня, хотя сейчас они вообще не требовали внимания.

— А что ты здесь делаешь по средам? — спросила она.

— Смотря какая среда.

— Вот сегодня.

Петя замялся, будто впервые услышал действительно сложный вопрос.

— Проверяю почву. Поливаю, где сухо. Вон те горшки надо переставить, потому что листья друг друга закрывают. И ещё Валентина Николаевна обещала дать попробовать черенковать.

Он показал на стол с подписанными банками. Лиза оглядела его внимательно, не пытаясь немедленно придумать красивую фразу. Артём узнал выражение: она переставала торопиться, когда действительно хотела разобраться. Уголок рта чуть двигался, словно слова ещё спорили у неё внутри, а брови сходились.

Петя наклонился к одному из маленьких горшков и поправил проволочную опору. Лиза спросила, можно ли записать полив. Он предупредил, что звук получится невпечатляющий. Она ответила, что после интервью со стиральной машиной готова к тихому разговору.

Артём надел ей один наушник, второй оставил себе. Провод оказался коротковат; пришлось подойти вплотную к столу. Их плечи снова соприкоснулись. В одном ухе шумела комната, в другом вода осторожно входила в рыхлую землю.

— Слышишь? — спросил он.

Она кивнула, не поворачивая головы. Артём почувствовал её движение своим плечом. Ничего особенного не произошло: Петя поливал растение, Валентина переставляла таблички, за стеклом проходили студенты с папками. Однако ему хотелось, чтобы запись длилась дольше, чем требовалось для монтажа.

Когда всё закончили, Лиза посмотрела на часы и поблела.

— У меня семинар через двадцать минут.

— В каком корпусе?

— В главном. Я успеваю. Почти. Мне надо было ещё распечатать...

Она начала собирать вещи в неправильном порядке: закрыла блокнот, снова открыла, достала дождевик, повесила обратно. Артём сунул рекордер в сумку, чтобы освободить проход. Петя протянул ей листок с правильными названиями растений. Она поблагодарила его дважды и выскочила за дверь.

Через секунду вернулась.

— Дождевик.

Артём снял его с крючка. Их пальцы встретились на воротнике. Лиза дёрнула ткань чуть раньше, чем он отпустил, и смутилась так явно, что ему самому стало жарко.

— До четверга, — сказала она и ушла.

Он закончил разговор с Валентиной, забрал пустую бутылку воды со стола и обнаружил на ящике Лизину расчёску. Обычную чёрную расчёску с отломанным зубцом. Артём сфотографировал находку и отправил ей. Ответа не было.

В столовой он взял суп и два пирожка с картофелем. Второй оказался лишним: есть не хотелось, а время до следующей пары ещё оставалось. Он открыл общий чат проекта. Лиза прислала названия файлов, Петя — фотографию горшка, который счёл достойным обложки, Белова поставила сухое «получила». Артём посмотрел на расчёску, торчащую из кармана, и написал Лизе отдельно: «Я в столовой до 15:10. Потом оставляю у охраны корпуса».

Она появилась в четырнадцать пятьдесят восемь. Села напротив без приветствия, выложила на стол блокнот, телефон и лист с красными замечаниями. Артём придвинул ей расчёску.

— Спасибо.

Она спрятала её в рюкзак, посмотрела на пустое место перед собой и прикрыла ладонью глаза.

— Мне надо купить что-нибудь. Сейчас.

— Там очередь до дверей.

— Знаю.

Он подвинул к ней нетронутый пирожок на отдельной салфетке.

— Этот можешь взять. Я не осилю.

Лиза немедленно убрала ладонь.

— Правда?

— Да.

Она кивнула и откусила слишком большой кусок. Только проглотив, спросила, сколько должна. Артём назвал цену; спорить сейчас значило заставлять её благодарить за пирожок дольше, чем есть. Она перевела деньги и выдохнула.

— Я думала, приду и всё расскажу с ходу. Я читала статью. Понимаешь? Не пролиставала, не аннотацию. Читала. А он спросил, чем отличается авторское наблюдение от домысла, и я начала приводить пример, который сама придумала.

Артём взглянул на лист. Часть текста была подчёркнута, сбоку написано: «Где источник?»

— Это из-за оранжереи? Мы могли закончить раньше.

— Нет. Это из-за того, что я распланировала всё как будто у меня четыре головы. Одна слушает Петю, вторая читает, третья готовит ответ. Четвёртая, видимо, выбирает серьги.

Он вспомнил собственную тетрадь. Предварительный расчёт к лабораторной лежал там незаконченным с понедельника. Три дня Артём собирался сделать его после работы и три дня открывал формулы, уже засыпая.

— Что теперь? — спросил он.

— Дописать разбор, принести на консультацию. Это ещё не оценка за весь курс. Но неприятно. Я так хорошо собиралась выглядеть.

Лиза доела пирожок и свернула салфетку в маленький треугольник. Перед ним сидел человек, который двадцать минут назад звучал в оранжерее совершенно уверенно, а теперь не знал, куда положить руки. Артёму захотелось сказать, что преподаватель придирается. Но он не присутствовал на семинаре и не читал статью.

— У меня скоро тоже попросят источник, — сказал он.
— Только питания. И выяснится, что он не там.

Лиза посмотрела на него, потом тихо засмеялась. Смех быстро исчез, но она перестала сворачивать салфетку.

— Можно я побуду здесь ещё пять минут? А потом сама пойду.

— Конечно. Мне тоже до пары сидеть.

Они помолчали. Вокруг гремели подносы, у стойки спо-

рили из-за последней котлеты, кто-то вытирал с тетради компот. Лиза вытянула из рюкзака книгу, но не открыла. Артём поймал себя на желании пропустить следующую пару и остаться с ней за этим пластиковым столом. Никакой разумной пользы от такого поступка не было, и желание от этого не уменьшалось.

Она вдруг заметила его руку.

— Это от чего?

— Что?

— Шрам.

Он повернул большой палец.

— Велосипед. В детстве решил, что смогу сам починить цепь. Починили потом и меня, и цепь.

— А ты всё равно пошёл в электронику.

— Там цепи меньше кусаются.

Лиза слегка провела подушечкой пальца по своему ладонному сгибу, будто примеряя чужую историю. Артём убрал руку со стола. Это движение выдало его сильнее любого взгляда, но она, кажется, не заметила: уже открывала книгу на странице с загнутым уголком.

Перед уходом она развернула лист с замечаниями.

— В четверг я не смогу в четыре. Хочу попасть на консультацию. Давай в пять?

— До шести.

— Тогда час. Не буду обещать за час смонтировать вечность.

— Половину вечности.

Она улыбнулась, но спорить не стала. Забрала поднос, махнула ему с другого конца зала и ушла.

Артём дождался начала пары, дописал в тетради дату и обнаружил, что под расчётом у него уже стоит «четверг 17:00». Он обвёл время один раз, затем зачем-то провёл рядом маленькую стрелку. На преподавательский вопрос ответил не сразу: пришлось возвращаться из столовой в лабораторию.

Вечером, когда он вышел из мастерской и включил телефон, пришло сообщение с фотографией страницы. Лиза обвела два исправленных абзаца и внизу приписала: «Источник найден. Четвёртая голова уволена».

Он уже собирался ответить, когда мать позвала помочь занести коробку. Артём убрал телефон, занялся коробкой, потом чайником, потом человеком, который никак не мог объяснить, какой звук его беспокоит. Сообщение так и осталось открытым.

В одиннадцать он вспомнил, достал телефон и написал: «К консультации готова?» Ответ пришёл почти сразу: «Почти. Работаю. Ты тоже ещё?»

Он отправил фотографию своей тетради. На краю кадра остался винт от разобранного корпуса. Лиза написала: «У тебя физика пытается сбежать. Придави чем-нибудь».

Артём положил рядом тяжёлую кружку, сфотографировал ещё раз. Потом всё-таки сел за расчёт. Через полчаса он увидел собственную ошибку в исходных данных и вычерк-

нул три строки. Исправление было неприятным, но вполне посильным. Он допил остывший чай и начал заново, оставив телефон в пределах руки.

Глава 5 Режим прослушивания

В пять часов Лиза вошла в студию с хорошим настроением и флешкой, которую торжественно нарекла «Здравый смысл». В пять двадцать ей захотелось переименовать флешку. В пять тридцать — выбросить.

— Здесь нужно убрать, — сказал Артём.

— Ты уже третий раз говоришь «здесь».

— Потому что ты третий раз возвращаешь этот кусок.

На экране Руслан жаловался, что рубашка изменила цвет. Из колонок звучал его смех, потом вступала Лиза: «Иногда нам приходится менять привычные роли, даже когда никто этого не планировал». Она всю дорогу до студии радовалась переходу. Он связывал рубашку, театр, первые недели в университете. Теперь Артём остановил курсор в начале этой фразы и упорно смотрел на неё.

— Без этого мысль провиснет, — сказала Лиза.

— Какая?

— Что здесь... — Она махнула рукой на дорожки. — Не просто смешное бельё. Человек берёт на себя больше, чем собирался. И так попадает в дело, которое ему нравится.

— Но он про это ещё скажет. Через десять секунд.

— А до этого слушатель может уйти.

— За десять секунд?

Лиза откинулась на спинку стула. Он не повышал голоса,

и это начинало раздражать отдельно. Раньше ей нравилась его невозмутимость. Сейчас выходило, что она нервничает за двоих, пока он спокойно убирает всё, ради чего она сидела ночью над монтажом.

— Ты вообще понимаешь, что такое авторская работа? — спросила она.

Артём перестал двигать мышь.

Слова уже были сказаны, и Лиза услышала, как они прозвучали, только по его лицу. Техническая часть, человек с проводами, не лезь туда, где я училась дольше. Ничего подобного она не имела в виду. Но подходящие объяснения почему-то всё ещё стояли за неподходящими.

— Ладно, — сказал он. — Тогда объясни.

— Не надо этим тоном.

— Каким?

Она отвернулась к экрану.

— Забудь.

Артём посмотрел на часы. Лиза заметила и восприняла это как дополнительное доказательство: ему скучно, он отбывает час, хочет поскорее передать запись ей и уйти в собственную серьёзную жизнь. Между тем он достал телефон и написал кому-то короткое сообщение.

— У меня до шести, — сказал он. — Осталось двадцать минут. Давай сделаем две версии и спросим Белову.

— Чтобы она решила, кто прав?

— Чтобы мы слышали две версии.

Но Лиза уже закрыла свой файл.

— Держи. Можешь удалить все мои реплики. Будет двадцать минут честного шума.

Он отодвинул клавиатуру.

В аппаратной стало слышно, как щёлкает батарея в стене, хотя отопление ещё не включили. В коридоре спорили из-за брони помещения. Лиза смотрела на отражение монитора в чёрном стекле и понимала, что ведёт себя глупо. Понимание не делало её спокойнее.

— Я не хочу удалять все твои реплики, — сказал Артём.
— Я хочу убрать одну, где ты объясняешь человека до того, как он сам рассказал. И ещё я действительно не знаю, где тут авторская работа. Может, я неправ. Но не надо считать меня за дежурного, который нажимает кнопку.

Она повернулась. Он говорил тише обычного, поэтому пришлось перестать готовить ответ.

— Я тебя так не считаю.

— Сейчас выглядело так.

Лиза подцепила ногтем край флешки. На белом пластике была синяя полоса, оставшаяся от предыдущей наклейки. Очень хотелось отвлечь разговор хотя бы на неё.

— Я эту фразу два часа придумывала, — призналась она. Артём подождал секунду.

— Да, понимаю.

— Нет, не в смысле, что теперь все обязаны слушать. Просто мне обидно. Я старалась.

— Я тоже старался.

Она кивнула. Потом положила руки на стол ладонями вниз, чтобы перестать теревить флешку.

— Извини за авторскую работу. Это было неприятно.

— Было.

Лиза кивнула и повернулась к монитору.

Они открыли копию проекта. Артём вырезал переход, Лиза переставила следующий ответ Руслана и оставила перед ним шум отжима на две секунды дольше. Теперь собеседник сам говорил, что сначала пришёл помочь, а потом оказалось, что уже знает, где хранятся булавки.

Лиза включила сначала свою версию. Потом вторую.

Во второй не хватало торжественной связки. Никто не вёл слушателя за руку от важной мысли к важной мысли. Зато Руслан с его нелепой рубашкой оказывался ближе. Как будто Лиза отступила от окна и перестала загораживать человека за стеклом.

— Вторая лучше, — сказала она.

Артём не обрадовался победе, по крайней мере заметно. Передвинул стул обратно и спросил, где она хотела поставить звук закрывающейся дверцы.

В шесть они сохранили файл. Договорились не трогать его до утра и разошлись. Артём пошёл на работу, Лиза — домой, хотя на секунду ей захотелось сказать: «Подожди, я могу пройти с тобой до остановки». После ссоры это прозвучало бы так, будто она требует немедленно доказать, что он

больше не сердится.

Она дошла до общежития, купила в автомате невкусный чай и поднялась к Соне. В комнате было пусто. На столе соседки лежала записка: «Кухня. Не соглашайся ни на что, пока не поешь». Лиза проверила телефон. Никаких объяснений.

На кухне Соня стояла перед миской с тестом. Рядом Денис в мучном фартуке делал вид, что не оценивает чужую работу. У него на локте красовалась наклейка с улыбающейся булкой.

— Почему здесь твой инженерный друг? — спросила Лиза.

Денис поднял палец.

— Я самостоятельный инженерный друг. Сегодня приглашён за дрожжи.

— Я обещала команде пирог, — объяснила Соня. — Выяснилось, что слова «все ингредиенты смешать» не содержат важных подробностей.

На плите в кастрюле под полотенцем поднималось что-то с подозрительной уверенностью. Лиза поставила чай, вымыла руки и спросила, чем помочь. Ей дали нож и три яблока.

Первые минуты все занимались делом. Соня пыталась отделить тесто от ложки, Денис объяснял, что нет необходимости подсыпать муку до тех пор, пока перестанешь чувствовать вину. На общей кухне кто-то жарил лук, кто-то кипятил макароны и одновременно разговаривал с мамой по телефо-

ну. Эта обычная теснота почему-то подействовала на Лизу лучше утешений.

— А ты чего такая? — спросила Соня, когда яблоки были нарезаны.

— Поругались из-за монтажа.

Денис перестал вытирать стол.

— С Ланским?

— Нет, с чайником. Конечно, с Ланским.

Она рассказала коротко. Собственную реплику про авторскую работу тоже произнесла вслух, хотя можно было опустить. Денис не стал изображать защитника друга.

— Он иногда объясняет так, будто все уже прочитали инструкцию, — сказал он. — С ним нужно переспрашивать. А когда устал, вообще экономит слова, будто их выдают по ведомости.

— Я не хочу у вас брать инструкцию к Артёму, — ответила Лиза.

— Разумно. Я бы сам купил.

Соня выложила тесто на стол. Оно прилипло сразу в трёх местах. Денис потянулся помочь, но она выставила локоть.

— Покажи на своём куске.

Он послушно отщипнул маленький шарик. Лиза наблюдала, как он медленно расплющивает его пальцами. Соня повторила, получилось плохо, повторила ещё раз. На третьей попытке лепёшка отстала от стола. Соня посмотрела на Дениса так, словно теперь это была его очередь чему-нибудь

удивиться.

— Дайте послушать, — сказала Соня.

— Что?

— Из-за чего вы ругались. Пока духовка греется.

Лиза принесла ноутбук. Они устроились на дальнем краю стола, протерев его насухо. Вокруг шумело слишком сильно для аккуратной оценки звука, поэтому включили в наушниках по очереди. Денис слушал первым. Он улыбнулся на розовой рубашке и снял наушники до конца Лизиной переходной фразы.

— Это реклама театра?

Лиза закрыла глаза.

— Нет.

Соня прослушала вторую версию. На словах про булавки посмотрела на Дениса, который как раз пытался незаметно убрать лишнюю миску за соседней компанией.

— Вот это оставляй, — сказала она. — Он похож на нормального человека. У него есть дела, которые не помещаются в красивые слова.

Лиза открыла файл, сделала пометку и написала Артёму: «Проверила на кухне. Вторая версия прошла испытание луком и тремя разговорами. Ты прав насчёт фразы». Потом подумала и добавила: «Я тоже иногда могу это признавать».

Ответ пришёл не сразу. Они успели поставить пирог в духовку, очистить стол и обсудить предстоящий турнир Сони. Денис сказал, что может принести команде булочки утром

соревнования, если ему дадут расписание. Соня немедленно уточнила, что они будут участвовать ночью из другого часового пояса и булочки понадобятся в четыре утра.

— Тогда не булочки, — сказал он. — Серьёзное снаряжение.

Телефон Лизы завибрировал. Артём прислал короткий файл. Она надела наушники: Руслан говорил, что остался наедине с костюмами, потому что сказал: «Да мне несложно». Потом слышался её вопрос, уже без торжественного вступления. Подпись: «Вот здесь начинается хорошее. Не только Руслан».

Лиза перечитала сообщение и вдруг почувствовала, как улыбка появляется сама, не дожидаясь разрешения. Соня толкнула её плечом.

— Пирог горит или тебе написали?

— Не горит.

— Значит, второе.

Лиза ответила Артёму фотографией кривого пирога через стекло духовки. Подпись придумалась сразу: «У нас тоже две версии. Вторая будет съедобной».

Пирог на самом деле получился неплохой. Соня отрезала всем по неровному куску, свой признала контрольным и съела первой. Денис собрал посуду, но она забрала у него свою тарелку и встала рядом у раковины. Они спорили о том, сколько времени можно позволить человеку не отвечать в командном чате. Лиза сидела за столом, подперев подборо-

док ладонью, и слушала воду.

Нужно было вернуться к статье, проверить семинарскую работу, переписать вступление к прогулке. Вместо этого она открыла блокнот и написала на чистом листе: «После последней пары». Потом начала перечислять места, где люди продолжали что-нибудь делать, когда от них уже никто не требовал присутствия. Прачечная. Оранжерея. Подвал с музыкой. Верхний коридор, где вечером за окнами появлялся другой город. Остановка.

Пять названий ещё не были маршрутом. Одно находилось слишком далеко от другого, в подвале они пока ни с кем не договорились, а на остановке вообще могло не оказаться истории. Лиза нарисовала рядом кривой прямоугольник общежития и переслала Артёму.

Он ответил почти сразу: «Коридор лучше проверить вечером. И в подвал можно через Дениса. Он там иногда играет».

Она подняла глаза на Дениса.

— Ты барабанщик?

— Сегодня пекарь. Завтра уточню по обстоятельствам.

— Нам нужна репетиционная.

— Она нужна всем. Что именно вы хотите?

Лиза объяснила без вступления. Денис кивнул, назвал свободный час во вторник и попросил не записывать группу до того, как они разогреются: у них гитарист обидчиво слышит каждую собственную ошибку. Она пообещала сначала поговорить.

Возвращаясь в комнату, Соня несла остаток пирога, Лиза — ноутбук и нож, который чуть не забыли на кухне. У двери соседка спросила, помирились ли они с Артёмом.

— Кажется, да.

— А чего грустишь?

— Не грущу.

Она действительно не грустила. Просто захотелось отнести ему кусок пирога и услышать, как он скажет что-нибудь негромкое, дурацкое и подходящее только к этому вечеру. До мастерской было пять остановок. Но часы показывали десять, у неё оставались недоделанные задания, а пирог заметно покосился в контейнере.

Лиза убрала его в холодильник, подписала крышку своим именем и вернулась к работе.

Глава 6 Без афиши

Артём пришёл на концерт на двенадцать минут позже и занял место у стены. На сцене стоял единственный высокий стул, возле стула — микрофон, который явно надеялся на более скромные обязанности. Человек с гитарой двигал его то вниз, то вверх. Собравшиеся терпеливо ждали.

На концерты без афиши приходили в основном друзья тех, кто собирался играть. Артём знал двух участников, одного — через Дениса. Его самого пригласили потому, что в прошлый раз он помог найти причину противного гула. Сегодня оборудование работало нормально, так что можно было просто сидеть. Это происходило достаточно редко, чтобы он поначалу чувствовал себя лишним.

Место в рюкзаке занимали конспект, рекордер и яблоко, которое утром положила Ника, вернув другое, надкушенное. Весь день Артём таскал их за собой: лаборатория, магазин, мастерская, ещё раз магазин, теперь небольшой зал в студенческом клубе. Вечером нужно было дописать расчёт. Он положил рюкзак на колени, нащупал молнию и решил хотя бы полчаса не проверять телефон.

— Свободно?

Лиза стояла рядом с бумажным стаканчиком в руке. Без дождевика, в светлом свитере, с заколкой, удерживающей волосы только с одной стороны. От неожиданности он сначала

посмотрел на соседний стул, словно там мог быть другой человек, которого не заметил.

— Да.

Она села и осторожно поставила стакан на пол.

— Меня позвала девочка с нашего семинара. Но не пришла. Теперь я изображаю, что так и задумано.

— Получается.

— Ты не обязан немедленно подтверждать любое моё заявление.

— Хорошо. Плохо изображаешь. Но здесь темно.

Она улыбнулась и повернулась к сцене. Артём почувствовал, как её локоть скользнул по его рукаву, когда она устраивалась удобнее. Он вдруг перестал замечать тяжесть рюкзака.

Первый участник долго настраивал гитару, затем извинился и начал играть. Без слов. Получилось просто и местами неровно. Когда одна нота звякнула резко, он поморщился, но не остановился. Артём привычно отметил, где микрофон ловит лишний шорох, и заставил себя не думать об этом. Лиза сидела прямо, положив руки на колени. В отличие от аппаратной, здесь она не записывала ничего и не старалась понять, что из происходящего пригодится.

Потом вышли две девушки, спели вдвоём, поссорились шёпотом из-за темпа и рассмеялись посреди куплета. Зал захлопал раньше, чем они закончили. Лиза рядом напряглась так заметно, что Артём посмотрел на неё. Она увидела и тут

же отвела глаза.

В перерыве к ним подошёл Денис. Сегодня он был без фартука, зато с барабанными палочками в заднем кармане джинсов.

— Я думал, тебя не будет, — сказал он Артёму.

— Я тоже думал.

Денис кивнул Лизе, спросил, как продвигается запись, и напомнил, что в подвале они могут прийти ещё раз: прошлый вторник ушёл главным образом на настройку и обсуждение, как вообще рассказывать о комнате. Лиза обещала на неделе написать короткие вопросы.

— Только не спрашивай, что для нас музыка, — попросил он. — У нас это опасная тема. Гитарист на сорок минут.

Из-за сцены позвали помочь перенести стойку. Денис ушёл. Лиза нагнулась за стаканом, и заколка окончательно соскользнула, повиснув на пряди. Артём протянул руку, но остановился, не коснувшись волос.

— У тебя...

— Знаю. Она не согласна с моим выбором головы.

Лиза сняла заколку и положила в карман. Волосы упали ей на щёку. Ему захотелось убрать прядь за её ухо. Вместо этого он поднял свой рюкзак на соседний свободный стул.

Во второй части играл Денис — очень тихо, щётками, под акустическую гитару. Артём раньше слышал его в основном за большой установкой. Здесь друг выглядел неожиданно сосредоточенным; всё привычное весёлое выражение уходило,

когда он вслушивался в чужой ритм. Лиза наклонилась к Артёму:

— Это совсем не похоже на наш вторник.

Он чуть повернул голову. Губы у неё оказались рядом с его ухом, и на несколько секунд смысл слов потерялся.

— Другая комната, — ответил он. — И они перестали перекрикивать друг друга.

Лиза выпрямилась. Он сделал вид, что внимательно следит за Денисом, хотя теперь вообще не мог определить, где именно находится барабанный рисунок.

После концерта в коридоре разлили остатки чая, а один из музыкантов вынес печенье в раскрытой упаковке. Люди не расходились, задерживались маленькими группами. Артём увидел на часах половину девятого и уже собирался прощаться, но Лиза спросила:

— У тебя есть ещё немного времени? Погулять до остановки. Не про запись.

Он кивнул раньше, чем успел свериться с собственными делами.

На улице было сухо. Деревья вдоль клуба ещё держали зелёную листву, но под ногами хрустели первые жёсткие листья. Лиза спрятала руки в рукава свитера. Он спросил, не холодно ли ей. Она ответила, что до общежития дойдёт, а сейчас лучше немного пройтись, потому что в зале было душно.

Они шли рядом. Возле столовой на скамейке спори-

ли двое первокурсников, пытаясь договориться, кто пойдёт спрашивать про забытый шарф. Лиза дождалась, пока они отстанут.

— Я знаю, что ты про это слышал, — сказала она.

— Про что?

— Про мой концерт в прошлом году.

Артём остановился мысленно раньше, чем ногами. Он действительно слышал: в прошлом мае в одном чате прислали короткое видео со студенткой, которая не попала в последнюю ноту. Он тогда смотрел без звука, в маршрутке, понял только по подписям. Лиза на видео не запомнилась. После знакомства он и не связывал одно с другим, пока Денис не обмолвился о том вечере.

— Немного, — ответил он.

Она кивнула так, будто именно такого ответа ждала.

— Я не должна была туда идти петь. У нас заболела девочка. Я сначала сказала: «Давайте просто уберём номер». Потом кто-то пошутил, что я ведь всё время пою на кухне. И я подумала: а правда, что страшного? Репетиции были нормальные. И почти вся песня тоже. А под конец я услышала себя с задержкой и решила, что надо выше. Сильно выше.

Лиза взглянула на него и криво улыбнулась.

— Не смей сейчас говорить, что никто не заметил.

— Не собирался.

— Спасибо.

Они перешли дорожку. Под фонарём кружили насекомые,

разом видимые и снова пропадающие в темноте. Артём слушал и понимал, что легче было бы сейчас дать практический ответ: задержка, акустика, мониторы, неопытность. Но Лиза не спрашивала, почему не получилась нота.

— Я сама сначала смеялась, — продолжала она. — Это правда смешно. Потом приходишь знакомиться, а тебе говорят: «О, так это ты!» И всё. Человек уже знает тебя по восьми секундам. Можно год читать книжки, учиться, делать всякое, а у него всё равно ты — вот эта нота.

Она не жаловалась на жестоких людей. Говорила скорее сердито, как о несправедливо приклеившейся наклейке, которую невозможно снять целиком. Артём посмотрел на неё. В темноте веснушки почти исчезали, зато было хорошо видно, как она прикусывает нижнюю губу перед следующей фразой.

— Сегодня девочки рассмеялись, и все засмеялись. Я тоже. А сама уже думала, не снимает ли кто-то. Дурацкое ощущение. Мне не нравится, что я так думаю.

— Я видел кусок, — сказал он. — Весной. Без звука. И не узнал тебя потом.

Лиза засмеялась — коротко и удивлённо.

— Это сомнительный комплимент моему визуальному образу.

— Может быть. Я вообще тогда смотрел, когда можно выйти из маршрутки. Человек передо мной закрывал окно.

Она пнула маленький камешек к обочине.

— Хорошо, что признался. А то я уже собиралась подозревать тебя в тонком великодушии.

— У меня редко хватает тонкости.

У остановки они не сразу подошли к павильону. Шестёрка только что ушла, хвостовые огни опускались за перекрёсток. Следующая должна была прийти через одиннадцать минут. Лиза облокотилась на ограду и вытянула ноги.

— Ты сам что-нибудь играешь?

— Плохо.

— На чём?

— На гитаре. Отец показал несколько аккордов. Потом я решил, что лучше попробую понять, почему она звучит по-разному в разных местах.

— Потому что не хотел тренироваться?

— Среди причин была и эта.

Она повернулась к нему всем корпусом.

— А что ты слушаешь дома? Только не говори, что шумы холодильника.

Он вытащил телефон. Можно было назвать несколько исполнителей, но они мало что объясняли. В старой папке нашёлся короткий кусок записи, который он сделал летом во дворе. На нём не происходило почти ничего: мяч, далёкое радио, дребезжащий воздух над асфальтом. Артём хотел было выбрать другое, более убедительное, но Лиза уже протянула ладонь за наушником.

Они встали рядом у ограды, соединённые коротким про-

водом. На записи мальчишка кричал, чтобы бросали ему, не попали по мячу, захлопнулась дверь. Потом из открытого окна кто-то сыграл несколько нот на пианино и начал заново.

— Это у вас? — спросила Лиза.

— Во дворе за мастерской.

— А пианино настоящее?

— Да. Женщина учит детей. Летом окно открывает.

— Ты её знаешь?

— Нет. Если стану записывать для работы, познакомлюсь. Это просто для себя.

Она слушала до конца, не пытаясь выделить из записи важное. Артёму хотелось заранее объяснить, что в ней ему нравится, но он удержался. Лиза сняла наушник только после того, как пропал последний звук.

— У меня дома папа по утрам ставит чайник, и ложка в стакане дребезжит, пока вода закипает. Он потом её вынимает, будто только заметил. Каждый раз. Я раньше злилась, что меня будит. Сейчас хочу услышать.

Артём посмотрел на неё. Она не проверяла, понравился ли ему ответ. Смотрела вдоль рельсов, где уже показался свет.

— Запиши, когда поедешь домой, — сказал он.

— На телефон?

— На что будет. Чтобы помнить, хорошего качества достаточно.

Трамвай подошёл, зашипели двери. Артём поднял рюкза-

зак. Лиза вернула наушник, и её палец задел его ладонь. Он не убрал руку сразу. Одну лишнюю секунду они стояли очень близко, под светом павильона.

— В понедельник скину правки, — сказала она.

— Хорошо.

— И спасибо, что послушал.

Он кивнул. Сказать «всегда пожалуйста» почему-то не получилось: слишком большое обещание для вечера и слишком маленький ответ на то, что она рассказала.

В вагоне Артём сел у окна и увидел, как Лиза с другой стороны улицы быстро идёт к общежитию, подняв плечи от прохлады. Она не обернулась. Он достал расчёт, открыл на последней странице и закрыл обратно.

Дома Ника делала домашнее задание на кухне, оставив себе места ровно на локти. Мать зашивала у полотенца петлю. Артём поставил чайник. Пока вода грелась, он вытащил из стакана ложку, которая начинала тонко дребезжать о стекло. Потом замер, посмотрел на неё и положил обратно.

Глава 7 Самый короткий путь

Денис ударил по краю барабана, услышал, как звук расползается по подвальной комнате, и удовлетворённо кивнул.

— Видишь? — сказал он Лизе. — Здесь сыграешь один раз, а комната ещё немножко сама.

Она сидела на старом усилителе, который больше не включали, и старалась не сводить разговор к мечте о большой сцене. На этот раз это было легко. У Дениса между репетициями и утренними сменами едва оставалось время на обычную, маленькую. Группа играла вместе два года, несколько раз меняла название, однажды полмесяца называлась просто «Потом решим» и теперь обходилась без единого.

Артём стоял у стены с рекордером. После концерта в субботу они виделись только мельком. Лиза заранее придумала приветствие, которое одновременно напомнило бы о прогулке и не делало её главным событием недели. В результате сказала «привет» и наступила себе на шнурок.

Вторую запись в подвале они проводили без всей группы. Денис согласился рассказать о комнате до репетиции: другим нужно было закончить пары. В сухом воздухе плавала пыль, на стене висел ковёр с таким серьёзным узором, словно его снимали с плеч у короля. Лиза спросила про него, и Денис объяснил, что ковёр появился здесь благодаря ко-

менданту корпуса. Они хотели закрыть голую стену, кинули клич, получили три варианта. Два не влезли в дверь. Победил тот, который меньше нравился всем.

— Зато не спорим, чей вкус лучше, — сказал он. — У нас общий.

Он показал Лизе пластиковый контейнер с бирушами. Вначале музыканты смеялись, когда Денис принёс их на репетицию, потом постепенно разобрали. Один из гитаристов теперь напоминал остальным сам.

— Можно записать, как вы разогреваетесь, когда все придут? — спросила она.

— Только немного. И без того места, где мы семь раз пытаемся начать одну песню.

— А мне как раз это нравится.

Денис посмотрел на неё с подозрением.

— Вы с Русланом уже сделали в прачечной комедию. Я не хочу стать вторым сезоном.

Лиза вспомнила его розовую рубашку и убрала улыбку.

— Давай выберешь сам, какой кусок можно. Нам важно, чтобы было слышно: сюда приходят не выступать идеально. Договориться, когда вступить, тоже бывает сложно.

— Бывает, — признал Денис. — Особенно когда басист всё ещё на автобусе.

К концу записи остальные появились. Они поздоровались, переставили стойки, начали настраиваться. Лиза надела бируши, и мир словно обернули в плотную ткань. Артём, сто-

явший рядом, показал большим пальцем, что всё нормально. Потом наклонился и сказал ей прямо в ухо, где лучше поставить рюкзак. Даже через приглушение она услышала его голос слишком отчётливо.

В половине пятого они вышли наверх. После подвала свет в коридоре показался белым и плоским. Лиза тряхнула головой, достала беруши и спрятала их в пакетик.

— Я теперь слышу, как работают глаза, — сказала она.

— Это временно.

Ей хотелось задержаться. У Артёма на сегодня больше не было пар, у неё — только самостоятельная работа. Она спросила, куда он сейчас, и он ответил, что в мастерскую, нужно подменить мать на час. Она пожалела о вопросе: до остановки они дойдут, он уедет, а она останется делать вид, что именно этого и хотела.

— Можешь поехать со мной, — предложил Артём. — Если не торопишься. Мама обещала чай. Только там не очень тихо.

Лиза посмотрела на него и слишком быстро сказала:

— Я не из-за тишины.

Он поднял брови. Она почувствовала, что краснеет.

— Я имею в виду, мне интересно, как у вас всё устроено.

— Тогда поедem.

На остановке висело новое расписание. Лиза изучила его, хотя теперь знала нужные названия. Артём стоял рядом и листал сообщения. Она заметила, как на его лице меняется

выражение: рот сжался, палец задержался над экраном. Потом он убрал телефон.

— Что-то случилось?

— Нет. Заказ перепутали по срокам. Нужно разобраться.

— Я не буду мешать?

— Ты не заказ.

В трамвае им досталось одно свободное место. Лиза села у окна, Артём встал рядом, придерживаясь за спинку. Он мог бы пройти дальше: там у двери было просторнее. Она не сказала. Смотрела на его руку возле своего плеча и пыталась рассчитать, получится ли повернуться к нему естественно, а не так, словно её собрали с неправильной шеей.

На «Площади» вагон качнулся. Артём упёрся ладонью в спинку, и её висок почти коснулся его запястья.

— Нормально? — спросил он.

— Да.

Лиза подняла глаза. Он тоже смотрел на неё. Несколько секунд в голове стало совершенно пусто. Потом женщина за его спиной попросила пропустить к дверям, и они оба поспешно подвинулись.

Мастерская на этот раз была полна. У прилавка спорили двое клиентов, в углу стоял пылесос без шланга, на стуле разместилась коробка с надписью «Забрать!!!», причём восклицательные знаки явно добавляли в разное время. Марина кивнула им из-за прилавка и продолжила объяснять пожилому мужчине, что сегодня ничего обещать не сможет.

Артём положил рюкзак за дверь подсобки. Лиза осталась у входа, не понимая, куда деть руки. Она приготовилась услышать просьбу помочь вымыть, разобрать, отнести. Это была бы понятная роль: пришла не просто так, заслужила свой чай. Но Марина указала ей на свободный стул у окна.

— Садитесь. Он сейчас освободится. Только эту коробку не трогайте, в ней вчера всё наконец сложили.

Лиза села. Артём подошёл к прилавку, выслушал мужчину, принял от матери лист с номером заказа. Говорил он иначе, чем с ней: короче, без шуток, иногда повторял одно и то же разными словами, пока человек не понимал. В двадцать один он выглядел тут старше, и это Лизе не понравилось. Не внешность — привычка стоять так, словно за ним уже не к кому обращаться.

Из подсобки выскользнула Ника с двумя бананами.

— Привет. Ты снова переходник принесла?

— Сегодня я сама переходник. Из университета сюда.

Ника осмотрела её, явно решая, можно ли смеяться. Потом протянула банан.

— Будешь? Я их не люблю, но мама покупает, потому что раньше любила.

— Буду. Спасибо.

Она села рядом, поджав одну ногу. Лизе вспомнился собственный восьмой класс: слишком много коленей и постоянная готовность в любой момент доказать, что ты уже взрослый. Ника выглядела совсем иначе — одновременно уверен-

нее и младше.

— Мне на кружок через сорок минут, — сказала она. — Рисование. А он должен был отвезти. Теперь будет: «Я не могу, давай в следующий раз». Но мы в следующий раз уже другое рисуем.

— Ты сама можешь доехать?

— Могу. Там пересадка неудобная. И папа обещал, но у него смена. Я могу, — повторила она, будто Лиза спорила.

Лиза кивнула и не стала предлагать сопровождение. В этом городе она сама половину маршрутов искала по телефону.

Артём услышал конец разговора.

— Я помню про кружок. Сейчас освобожусь.

— Ты так с четырёх говоришь.

Он взглянул на часы. Ника отвернулась к окну. За стеклом мужчина пытался прикрепить зонтик к велосипедному багажнику. Лиза смотрела туда же, стараясь не превратиться в свидетельницу семейного спора с правом решающего голоса.

Марина закончила с клиентами и подошла к ним, осторожно разминая правую кисть. Артём заметил движение.

— Опять болит?

— Уже перестала. Не начинай на меня смотреть.

— Я просто спросил.

— А я просто ответила. Ника, мы вызовем тебе машину, если папа не успеет. Только не стой потом с подружкой у

входа, идите сразу внутрь.

Ника оживилась, потянулась за телефоном. Артём что-то хотел сказать, но мать уже поставила чайник. Лиза увидела на холодильнике календарь. Двенадцатое ноября обвели синим. Рядом было написано «кисть».

Когда они остались на несколько минут в подсобке вдвоём, Артём сам заметил её взгляд.

— У мамы операция. Плановая. На руке. Потом нельзя будет нормально работать несколько недель.

Лиза посмотрела на него.

— Серьёзная?

— Не опасная. Но восстановление долгое. Шесть недель примерно. Я буду чаще здесь.

Она вспомнила двадцать девятое ноября, их будущую прогулку и то, как бодро записывала часы. Воображение немедленно предложило переставить весь проект на утро, вырезать одну точку, отменить репетиции. Лиза удержалась: её ещё ни о чём не просили, да и сама она не знала, что реально изменить.

— Тогда давай ближе к ноябрю ещё раз посмотрим расписание, — сказала она. — Чтобы мы не ставили всё на твоё свободное время, которого нет.

Он кивнул, глядя на чашку.

— Да. Пока успеем подготовить основное.

По тому, как он это сказал, Лиза поняла: он уже пытается сделать запас работы на шесть недель вперёд. Она не знала,

возможно ли это. Молча взяла свой чай.

На полке рядом стояла папка с материалами какого-то предприятия. На обложке были нарисованы волны, расходящиеся от маленького прямоугольника. Лиза спросила, про звук ли это. Артём достал папку и показал объявление.

— У них отборочный практикум в декабре. Три дня. Потом могут взять на летнюю стажировку. Оплачиваемую.

— Ты подаёшься?

— Хочу. Пока собираю, что показать.

— Нашу прогулку можно?

— Не вместо технической части. Но как один из примеров — наверное.

Она перелистнула папку. Внутри лежали расчёты, какие-то графики, фото небольшого устройства. Это было похоже на отдельный университет, в котором Артём жил без неё. Лиза почувствовала одновременно любопытство и странную робость. Она привыкла задавать вопросы уверенно, но здесь могла не понять даже ответ.

— Расскажешь потом, что именно ты хочешь там делать?

Он посмотрел на неё так, будто не ожидал продолжения.

— Да. Только я могу скучно.

— Я тоже. Сегодня пятнадцать минут обсуждала с Петей, можно ли сказать «цветок», если это не цветок. Соревнование открыто.

Ника заглянула в подсобку и сообщила, что отец всё-таки успевает. Артём вышел к ней, а Лиза осталась у стола. На

стуле лежала его куртка с разошедшейся строчкой у кармана. Она машинально взяла край ткани, оценила шов и отпустила.

Позже, уже прощаясь, она показала на карман.

— Если хочешь, зашью. У меня аккуратно получается.

— Хочу, — ответил он. — Только не сейчас. Ты и так весь вечер тут просидела.

— Я чай пила. Это тяжёлая, но добровольная работа.

Он снял куртку и отдал ей. Лиза свернула её слишком бережно. В кармане что-то звякнуло; Артём тут же забрал оттуда ключи и мелочь.

— Ещё бы немного, — сказала она, — и я получила бы мастерскую в залог.

На остановку он проводил её сам. Ника уже уехала, мать закрывала приём, впереди у него оставалась работа, но эти семь минут он будто заранее оставил пустыми. Лиза несла в руках его куртку, хотя рюкзак был почти свободен. У трамвая подняла воротник к щеке, проверяя, не помнётся ли ткань, и почувствовала слабый запах его шампуня.

— До четверга, — сказал Артём.

Она кивнула и вошла в вагон, не рискнув оглянуться сразу. Только когда села, увидела его через стекло: он всё ещё стоял у столба, засунув руки в карманы джинсов. Куртка лежала у неё на коленях тёплым тёмным свёртком.

Глава 8 Лабораторная по опозданиям

Михаил Сергеевич провёл карандашом вдоль таблицы и остановился в том месте, которое Артём накануне проверял последним.

— Откуда это значение?

— Из предварительного расчёта.

— Я вижу, что не из магазина. Откуда в расчёте?

Артём наклонился к листу. Вчера он переносил цифры из черновика в тетрадь уже после полуночи. Потом ещё минут двадцать отвечал Лизе про куртку — она нашла во внутреннем кармане билет на выставку двухлетней давности и спросила, не является ли он важной частью конструкции. Сейчас Артём отчётливо помнил её сообщение и совсем не помнил, почему во втором столбце стояло именно это число.

— Я проверю.

— Проверьте. В таком виде к работе не допускаю.

За соседним столом Денис перестал шуршать страницами. Артём почувствовал это, даже не глядя. Ему давно не приходилось сидеть перед преподавателем с выражением человека, который рассчитывал проскочить. Он не рассчитывал. Он правда думал, что всё проверил.

Михаил Сергеевич вернул лист.

— Консультация завтра после третьей пары. Приходите с исправлениями. Иначе следующая работа тоже сдвинется.

— Хорошо.

Слово получилось слишком сухим. Артём собрал тетрадь, положил в рюкзак и пересел на свободный край стола. До конца пары он мог разбирать ошибку, но вокруг уже начинали измерения: двигали стулья, обсуждали результаты, звали преподавателя. Сосредоточиться не получалось. Он уткнулся в черновик и злился на каждое чужое слово.

После занятия Денис догнал его у лестницы.

— Покажи.

— Сам разберусь.

— Я не сомневаюсь в твоей способности считать. Покажи.

Артём отдал лист. Друг пробежал глазами таблицу, нахмурился, ткнул пальцем в верхнюю строку.

— Ты условия взял от другого варианта.

Артём выдернул из папки задание. Так и было. В начале недели они с Денисом сравнивали схемы, он записал рядом два исходных значения, затем перенёс в свою таблицу чужое. Все дальнейшие расчёты были аккуратными и бессмысленными.

— Отлично, — сказал он.

— Не очень.

— Я понял.

Денис сложил лист пополам.

— После обеда можем сесть в библиотеке. Я свою часть

доделаю, ты эту.

— У меня запись.

Друг посмотрел на него поверх бумаги.

— Перенеси.

— Там люди договорились.

— И здесь люди договорились. Михаил Сергеевич, например.

Артём забрал лист. Денис был прав достаточно явно, чтобы спорить не хотелось. Хотелось, чтобы он перестал быть прав и ушёл.

Они разошлись у гардероба. Артём сел на скамью, достал телефон и написал Лизе, что сегодня не сможет прийти в четыре. Пояснил почему, попросил перенести на завтра или работать без него. Ответа не было десять минут. Потом появилась фотография: на полях её текста красовался вопрос «Почему мы должны верить этому обобщению?»

Подпись: «У меня тоже техосмотр не пройден. Я в библиотеку к четырём. Ты?»

Он посмотрел на время, пересчитал, успеет ли доехать на работу позже, и позвонил матери. Сказал, что придёт к семи, не к пяти. Она попросила забрать по дороге пакет у поставщика. Он уже открыл рот, чтобы согласиться, но понял, что тогда в библиотеке останется полчаса.

— Сегодня не успею, — сказал он.

Мать помолчала.

— Ладно. Завтра заберём. Только предупреди заранее в

другой раз, я записала на тебя выдачу.

После звонка стало одновременно легче и стыднее. Артём убрал телефон и пошёл в библиотеку, сердясь на себя теперь за обе эмоции.

Лиза сидела у дальнего окна. На соседнем стуле лежала его куртка, аккуратно свёрнутая изнанкой внутрь. Она подняла руку, показывая, что место занято для него, затем продолжила писать. Артём сел и достал тетрадь.

— Ничего не спрашивай первые пять минут, — попросил он.

— Хорошо. Я пока сделаю вид, что у меня самой всё получается.

Они работали молча. Лиза держала перед собой открытый текст и иногда откидывалась, глядя в потолок. Артём заново выписал исходные данные, проверил каждую строчку и только после этого начал считать. Ошибка оказалась глупой, работа — длиннее, чем он надеялся. Рядом девушка что-то зачеркнула так энергично, что порвала бумагу.

— Всё нормально? — спросил он.

Она показала ему дырку.

— Автор покинул текст через запасной выход.

Он засмеялся, и напряжение немного отпустило. Лиза придвинула лист.

— Посмотри только первую минуту. Не редактируй за меня. У меня две версии, и обе длиннее, чем нужно.

Артём прочёл два листа. На первом Петя долго рассказы-

вал, как заблудился, на втором почти сразу начинались растения.

— Если убрать, как он заблудился, останутся одни горшки, — сказала Лиза.

— А если убрать горшки?

— Тогда непонятно, почему он не ушёл. Я попробую оставить один. Тот, под которым вырос новый побег.

Она провела карандашом между двумя абзацами и пометила сбоку время.

Она улыбнулась и вернулась к тексту. Через несколько минут Артём поймал себя на том, что ждёт следующего её вопроса. Удобное ожидание: пока оно тянулось, можно было не решать собственную задачу. Он отложил телефон подальше и заставил себя закончить строку.

Лиза спросила, чем может помочь ему. Он уже собирался сказать «ничем», но остановился.

— Давай я тебе вслух объясню, что здесь считаю. Только коротко. Я иногда так нахожу, где перепутал.

Она согласилась. Первые две минуты слушала очень внимательно. На третьей спросила, почему он вернулся к значению, которое сам же назвал промежуточным. Артём открыл рот, посмотрел на формулу и выругался совершенно приличным словом «ну».

— Здесь?

— Да. Я перескочил.

Лиза просияла.

— Я принесла пользу электронике. Запиши число.

Он записал дату вверху листа и нарочно подчеркнул. Лиза вернулась к своей работе, всё ещё улыбаясь. Артём чувствовал её присутствие рядом не как помеху, а как дополнительную причину не бросать расчёт. Это было непривычно. Обычно при людях он либо помогал, либо старался поскорее закончить и уйти.

К шести они оба сделали достаточно, чтобы перестать ненавидеть собственные листы. Лиза предложила спуститься за чаем. В библиотечном буфете уже закрывали витрину; им продали два стакана горячей воды, пакетики и последние простые сухари. Они устроились на широкой скамье у окна. Артём положил куртку на колени и провёл пальцем по зашитому карману.

— Вообще не видно.

— Я старалась не пристроить карман к рукаву. Там сразу заметно.

Шов действительно исчез. Только если знать, можно было найти маленькие ровные стежки с изнанки. Артём выворачивал край дольше, чем требовалось.

— Спасибо.

Она кивнула, глядя на стакан, будто благодарность была горячей и её тоже нужно было остудить.

— Мама научила. Она учительница физики, но иногда шьёт лучше, чем объясняет мне, почему я не могу делать всё сразу. Хотя второе, наверное, тоже умеет. Просто я не сразу

слышу.

— Она против аудио?

— Не совсем. Хочет понимать, как я буду жить. В смысле, на что. Я тоже хочу понимать, только у меня пока меньше данных.

Лиза покрутила стакан между ладонями. Артём ждал. За окном на стекле отражались лампы, и её лицо накладывалось на вечерний двор.

— Я хочу на учебный семестр в Петербург, — сказала она. — В межуниверситетскую лабораторию. Там документальный звук, работа с настоящими проектами. С февраля до мая. Если пройду, они оплачивают обучение и дают финансирование. Иначе не получится. Мои столько не вытянут.

Он не сразу понял, почему в груди сделалось пусто. Февраль был далеко. Они знали друг друга меньше месяца. Она не сообщала ему, что уезжает завтра, и вообще могла никуда не пройти.

— Когда отбор?

— Заявка до десятого ноября. Потом собеседование. Мне нужно портфолио. Поэтому я в начале так вцепилась в ролик. Как будто девяносто секунд обязаны доказать за меня всё сразу.

— Прогулка подойдёт?

— Часть. Если получится хорошо. И ещё надо сделать самостоятельную работу, не только совместную. Я думала записать Ясный, когда поеду домой. Не «маленький город с

большим сердцем», — торопливо добавила она. — Нормальный. Со скучными местами. И папиной ложкой, возможно.

Артём улыбнулся. Теперь у него в памяти были и её дом, и звук, которого он никогда не слышал. Он представил, как Лиза сидит в другой студии, в другом городе, с кем-то обсуждает монтаж. Представление не понравилось. Ему стало неловко за эту мгновенную ревность к несуществующему человеку.

— Покажешь, когда сделаешь?

— Конечно. Если ты не станешь удалять все мои слова заранее.

— Только половину.

Она толкнула его плечом. Легко, уже без случайности. Артём замер на секунду, потом чуть ответил тем же. В буфете гасили свет, и им пришлось подняться.

У выхода Лиза предложила дойти вместе до остановки. Он согласился. По дороге она рассказывала про Ясный: вокзал, который все называли новым, хотя ему было лет сорок; дом с единственным удобным подъездом; отца, неизменно предупреждавшего, что электричка может задержаться, даже если сам ждал её на платформе. Артём слушал и спрашивал. Не о заявке и финансировании. О том, где она каталась на велосипеде, чем занималась летом, почему однажды решила коротко постричься.

— Мама сказала, что я похожа на себя в пять лет, — ответила Лиза. — Только дороже в содержании.

У остановки он надел починенную куртку. Карман лёг ровно. Лиза мельком проверила шов взглядом, удовлетворённо кивнула и только потом посмотрела ему в лицо.

— Завтра напиши, как с расчётом.

— Напишу.

— Я правда хочу знать. Не для отчётности.

Он улыбнулся.

— Я понял.

На следующий день Михаил Сергеевич проверял исправления долго. Артём стоял рядом, не пытаясь развлекать себя телефоном. Когда преподаватель наконец поставил отметку о допуске, он попросил объяснить один из переходов. Артём объяснил. На этот раз помнил, откуда взялось каждое число.

Преподаватель спросил, что изменится, если поменять одно из условий. Это уже не было проверкой переписанного. Артём нарисовал на полях маленькую схему, сам увидел, что сначала пошёл не туда, и поправился. Михаил Сергеевич кивнул, не торопя его. Оказалось, что неприятный разговор в четверг можно продолжить в пятницу совершенно обычной работой. Артём убрал лист в папку, а черновик оставил сверху: вечером хотел разобраться со вторым вопросом, уже без необходимости срочно доказывать, что не ошибается.

Выйдя из корпуса, он сфотографировал подпись в тетради и отправил Лизе. Она ответила фотографией собственного листа с коротким «теперь есть логика» на полях. Два документа выглядели на редкость непривлекательно. Артём всё

равно сохранил оба снимка.

Глава 9 Не для записи

В субботу Лиза проснулась без будильника, за две минуты до него. Такое происходило редко и казалось мелким предательством организма: можно было поспать, но он предпочёл помучить ожиданием.

Соня спала лицом к стене, прижав к животу мягкую игрушку — сердитую капибару. На стуле лежала одежда, выбранная Лизой с вечера. Она посмотрела на неё и переоделась в другую. Потом вернула первый свитер. Потом рассердилась на себя и надела самый обычный серый.

В десять они встречались с Артёмом, чтобы пройти маршрут. Нужно было проверить, как связать оранжерею с подвалом, куда поставить слушателей у прачечной, можно ли сократить подъём к верхнему коридору. Нормальная рабочая суббота. Ничто в ней не объясняло, зачем Лиза вчера стирала кроссовки зубной щёткой.

Соня проснулась, когда она искала вторую серёжку.

— Под кроватью, — сказала соседка, не открывая глаз.

— Ты даже не знаешь, что я ищу.

— Если по полу не ходит, значит, серёжку. Всё остальное ты уже нашла.

Лиза встала на колени. Серёжка действительно лежала под кроватью рядом с крышкой от ручки.

— У вас сегодня соревнование?

— Тренировка. Через час. Я сейчас встану.

Соня не вставала. Лиза подцепила украшение линейкой, посмотрела на соседку и спросила, не сделать ли чай.

— Сделай, пожалуйста. И не говори мне ничего полезного до второй кружки.

Пока грелась вода, они сидели молча. У Сони под глазами залегли тёмные тени: накануне один участник команды снова исчез, и оставшиеся трое разбирали его задачи. Лиза знала, что подруга злится. Не стала говорить, что всё получится. Просто положила рядом с кружкой два сухаря и придвинула сахарницу.

Артём ждал у ворот университета. На нём была её работа — починенная куртка. Это выражение пришло Лизе в голову раньше, чем она увидела лицо, и показалось неприлично собственническим. Куртка ему шла и до ремонта. Теперь просто не торчала подкладка.

— Ты рано, — сказал он.

— На три минуты.

— Всё равно рано.

— Постараюсь исправиться.

Он протянул ей бумажную схему кампуса. На обороте оказались его старые расчёты. Пять точек были обозначены кружками, соединены карандашной линией и частично зачёркнуты.

— Тут слишком большой крюк, — сказал он, показывая на дорожку за лабораторным корпусом. — Если дождь, ни-

кто не захочет идти.

— Значит, сначала туда, пока не передумали.

— Отличный принцип экскурсовода.

Они прошли между зданиями. У оранжереи Петя вместе с Валентиной Николаевной разгружал ящик с пустыми горшками. Он увидел их, поднял свободную ладонь, но не стал звать. Лиза помахала и пошла дальше. Раньше она обязательно остановилась бы: ещё вопрос, ещё смешная подробность, а вдруг получится лучше. Сегодня у неё был план, который не включал новые записи.

У двери подвала обнаружилась лужа. Вода натекла после вчерашнего дождя, ступеньки блестели. Артём остановился у края.

— Здесь не пойдём. Основной вход в другом крыле. Дольше, зато сухо.

Лиза перерисовала линию. Наверху у лифта висело объявление о проверке; они уточнили у дежурной, когда он будет работать. Потом поднялись в верхний коридор по обычной лестнице и поняли, что маршрут в этом порядке утомляет даже их, без наушников и остановок.

— Можно людям предложить выбирать точки, — сказала Лиза, садясь на широкий подоконник. — Не обязательно сдать все пять, чтобы получить право на выход.

Артём прислонился к стене напротив.

— Для пробного показа можно оставить три. Остальные представить на схеме. И проверить, чего людям не хватает.

— Я хотела сразу всё.

— Заметил.

Она подняла на него глаза. Он улыбался совсем немного, но так, будто в её желании сразу всё было и что-то хорошее. Лиза нарочно не стала защищаться. Ей нравилось, что они начинают понимать друг друга без длинного вступления.

К полудню схему исправили трижды. Артём записал время переходов, Лиза — места, где можно разместить тексты для тех, кому неудобно слушать. На остановке они сели под козырёк, съели по принесённому бутерброду и обнаружили, что до следующих дел у обоих ещё несколько часов.

— Я обещал Нике купить бумагу для рисунков, — сказал Артём. — В центре есть магазин. Она написала список, по которому я сам не разберусь.

— Я тоже могу не разобраться. Но вдвоём это будет увереннее выглядеть.

Так они оказались в трамвае. Не возвращались к нему домой, не ехали на запись. Лиза прижала схему к коленям, потом свернула её и убрала в рюкзак. Артём посмотрел на движение и сделал то же со своей тетрадью.

В магазине всё было слишком красивым для их бюджета: ровные ряды карандашей, стопки плотной бумаги, кисти, чьи названия звучали как названия породистых животных. Лиза выбрала нужный отдел. Артём протянул телефон со списком Ники, и продавщица сразу взяла дело в свои руки.

Пока она искала бумагу, Лиза остановилась у стенда с

блокнотами. Один был с тёмно-синей тканевой обложкой, другой — с нелепыми гусями. Она открыла гусиный, провела пальцами по плотной странице и закрыла.

— Берёшь? — спросил Артём.

— У меня ещё старый не кончился.

— Я не это спросил.

Она улыбнулась.

— Хочу, но не беру. Список желаний должен чем-то заниматься, пока я учусь.

Он наклонился к обложке.

— У этого гуся твоё выражение перед монтажом.

— Поэтому и не беру. В комнате уже есть один.

На кассе Артём обнаружил, что нужная бумага дешевле, чем ожидал. Позвонил Нике уточнить, можно ли купить меньшую пачку, чтобы проверить. Из трубки вырвался возмущённый голос. Лиза не разобрала слов, но поняла интонацию и отошла разглядывать открытки.

Когда они вышли, у Артёма было лицо побеждённого, но живого человека.

— Всё правильно купил?

— Теперь да. Бумага бывает важнее мира в семье.

Лиза хотела пошутить, но увидела, что он действительно устал от разговора.

— Она расстроилась?

— Ей надоело, что я всё уточняю, как будто она маленькая. Я правда не понял по списку. Но спросил, наверное, не

так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.